

Устройство отечества

■ Ю.И.БУЧ – канд. техн. наук, патентный поверенный (Санкт-Петербург, yury.buch@gmail.com)

Автор размышляет об изменениях, внесенных в нормативные акты по полезным моделям, и вопросах, возникших в результате этих новаций, о том, что теперь патентуем в качестве устройства.

С ижу, сочиняю этот текст, в руке мышка. Компьютерная, причем без хвоста, работает по радиоканалу, приемопередающее устройство вставлено в USB-

порт компьютера. Размышляю об устройстве, в том числе о мыши – вроде как тоже устройство. Однако согласно новым веяниям устройство только тогда может так называться, если все его элементы соединены между собой, что называется – «в одном корпусе». Ага, не порядок – тем более что внутри корпуса мыши есть специальное гнездо для приемопередающего устройства, а оно торчит в компьютере! Вынимаю, вставляю в это гнездо, закрываю крышку корпуса мыши. Всё! Все в одном корпусе. Но не работает. Почему-то. Вывод: либо это не устройство, либо устройство, но неработающее.

Еще пару лет назад оба вывода показались бы абсурдными, но сегодня... Сегодня нормативные документы – ре-

гламенты, правила, рекомендации в части, которая относится к определению устройства как объекта изобретения и полезной модели, а точнее – определению изобретения и полезной модели как технического решения, относящегося к устройству, что называется «посеяли бурю» в умах патентоведов и вызвали шквал публикаций и дискуссий на разных конференциях, семинарах.

Как было

Вряд ли найдется патентовед, особенно с еще советским стажем, представление которого об изобретении-устройстве не было бы связано, прежде всего, с конструктивными признаками. Они должны быть всегда, без них не бывает устройства, все остальное – возможные вариации. В этом смысле устройство всегда рассматривалось как некий вид объекта изобретения. При этом конкретное изобретение могло называться по-разному: стол, стул, гвоздь, летающая тарелка – если название точно отражало назначение, либо устройство для полива..., система управления..., комплекс для тренировки..., комплект для игры..., машина для... и т.п. – если требовалось более развернутое указание на назначение

или основную функцию. Обратите внимание, любое из таких изобретений всегда могло быть названо как *«устройство для...»* с указанием его назначения, например: можно *«вольтметр»*, а можно – *«устройство для измерения электрического напряжения»*. При этом, с одной стороны, конструктивные элементы, входящие в состав устройства, могли быть не связаны механически (механическая или физическая связь – первое, что приходит на ум, когда речь идет о том, что характеризуется конструктивными признаками). С другой стороны, система или комплекс вовсе не предполагают нечто, разнесенное в пространстве. Конструктивное единство, суть которого – наличие функциональной взаимосвязи элементов, образование целостной технической системы, обеспечивающей назначение изобретения и достижение результата при его использовании, – вот что всегда предполагалось, а вовсе не название и распределение элементов устройства в пространстве.

Что касается формального определения устройства как объекта патентования, то оно в новейшей российской истории фактически свелось к перечислению возможных вариантов признаков, которыми устройство могло быть охарактеризовано в патентной формуле. (Действительно, нельзя же считать достаточным определение типа *«к устройствам относятся конструкции и изделия»*). Тем не менее, несмотря на то, что такое косвенное раскрытие понятия *«устройство»* давалось в подзаконных актах – правилах, административных регламентах, это не мешало воспринимать его именно в таком широком виде, но при обязательном условии – основу должны составлять конструктивные признаки.

В этом смысле способу как объекту изобретения повезло больше. Возмож-

но, в силу большей вариативности понимания людьми слова *«способ»*. Это бывает, когда требуется точное определение объекта права, названного определенным термином, а в это же время люди используют его в самых разных случаях. Ну, например, открытием могут назвать и технические решения, и географическое открытие, и открытие нового вида бабочек, и озарение, которое наступает в голове, и прочее. Или взять хотя бы слово *«ноу-хау»*. Что только не услышишь по этому поводу, а объяснение одно (если не брать в расчет малограмотность) – красивое иностранное слово, которым можно блеснуть. Аналогичные примеры можно приводить и в отношении изобретений, но вернемся к способу. Разве мы не говорим, например: способ решения квадратного уравнения, способ управления предприятием, способ ходьбы, способ убеждения и прочее? Во всех случаях слово *«способ»* отражает некий процесс. Другое дело, что, говоря о способе в смысле изобретения, мы всегда должны подразумевать некие действия, совершаемые над материальными объектами с помощью материальных средств (см. тот же п. 1) ст. 1359 ГК). Это признаки, без которых способа как изобретения не существует, и ими способ характеризуется прежде всего.

Да простит читатель, что автор вынужден повторять очевидное, но мы прекрасно знаем, что способ может характеризоваться последовательностью действий, материалами, используемыми при их осуществлении, и условиями осуществления действий. Может ли способ характеризоваться техническими средствами, приспособлениями? Да, если с помощью них осуществляются указанные действия. А вычислительными процедурами? Безусловно, если эта процедура, например, связывает действия и результат, обеспечиваемый спо-

собом. В любом случае способ не может характеризоваться только материалами, только техническими средствами, только вычислительной процедурой – это будут уже другие объекты, причем не всегда патентного права и вообще охраняемые, хотя и результаты интеллектуальной деятельности. При этом в сочетании с конкретными действиями любая из этих характеристик может быть признаком способа, более того, принципиально отличающим данный способ от известных и прямо влияющим на результат. Если хотите, в терминологии отличительных признаков – прямо таковым являющимся. В этом смысле польза от нормативного определения способа несомненна. Более того, краткость определения обеспечивает законное включение в понятие «способ» решений, изобретательская идея которых не только напрямую связана с включением или исключением неких действий, но и предполагает просто изменение их характеристик. Этого достаточно, чтобы решение было отнесено к способам и при известных обстоятельствах признано патентоспособным. В этом заключается взаимосвязь признаков способа или, если так позволительно говорить, – «процессное единство» признаков способа. В этом смысле автор очень надеется, что никому не придет в голову ограничить трактовку способа как объекта изобретения только случаем, когда все его операции осуществляются под одной производственной крышей.

Другим, никогда не подвергавшимся сомнению положением было то, что объект полезной модели есть точно такое же устройство, как мы его рассматриваем применительно к изобретению. В этом смысле полезная модель есть не техническая, а юридическая альтернатива изобретению в случае, когда речь идет об устройстве, точнее – техническом решении, относящемся к

устройству. То есть, если ты придумал то, что может быть отнесено к понятию «устройство», у тебя есть выбор: патентовать это решение либо как изобретение, либо как полезную модель. Разница – в условиях патентоспособности, сроке действия патента, возможности применения доктрины эквивалентов при установлении факта использования, процедурных особенностях, которых сегодня стало существенно меньше в связи с введением экспертизы по существу заявки на полезную модель, размерах пошлин и пр. Объект один и два возможных варианта патентования. Выбирай. Не было никаких оснований считать, что устройство-изобретение и устройство-полезная модель – разные объекты или объекты, которые могут иметь разное определение или толкование. Предусмотренные законом возможности преобразования заявок, а теперь даже патента на изобретение в патент на полезную модель в случае оспаривания первого, возможность параллельного патентования – все это только подтверждало, что полезная модель и изобретение-устройство в техническом плане одно и то же. Законное подтверждение этому легко обнаружить, обратившись к п. 1 ст. 1350 и п. 1 ст. 1351 ГК РФ.

Что случилось

А случились изменения, которые впору назвать революционными, – в одночасье стало меняться, точнее, стали менять привычное представление об устройстве как объекте патентования. Вначале, применительно к полезной модели, а теперь уже и к изобретению. Так, п. 35 новых Требований к документам заявки на выдачу патента на полезную модель¹ определяет, что к устройствам

¹ Приказ Министерства экономического развития России от 30 сентября 2015 г. № 701 вступил в силу 27 января 2016 г.

относятся «изделия, не имеющие составных частей (детали), или состоящие из двух и более частей, соединенных между собой сборочными операциями, находящихся в функционально-конструктивном единстве (сборочные единицы)». Далее, в п. 36 перечисляются признаки, которые, в частности, применяются для характеристики устройства: «наличие одной детали, ее форма, конструктивное выполнение; наличие нескольких частей (деталей, компонентов, узлов, блоков), соединенных между собой сборочными операциями, в том числе свинчиванием, сочленением, клепкой, сваркой, пайкой, опрессовкой, развальцовкой, склеиванием, сшивкой, обеспечивающими конструктивное единство и реализацию устройством общего функционального назначения (функциональное единство)», и т.д.

Как, скажите, можно трактовать «соединенных между собой сборочными операциями», да еще с уточнением: «свинчиванием, сочленением, клепкой, сваркой, пайкой, опрессовкой, развальцовкой, склеиванием, сшивкой»? Боюсь, только как вариант механически или физически соединенных частей. Использование причастия совершенного вида «соединенных» однозначно указывает на завершенность действий по сборке частей устройства, приводящих к их физическому единению.

Идея эта, как известно, не новая. Ее продвижение началось еще в рамках Рекомендаций по отдельным вопросам экспертизы заявки на полезную модель², п. 4.2 которых дает установку:

«Такие продукты человеческой деятельности, как различные системы (инженерные системы, системы спутниковой связи, включающие сложные навигационные комплексы, установленные на наземных объектах, систе-

мы спутников, выведенных на высокоэллиптические орбиты и др.), наборы, комплекты и т. п., не могут быть отнесены к устройству, так как такие продукты содержат совокупность устройств, предназначенных для совместного использования. Эти объекты не находятся в конструктивном единстве и функциональной взаимосвязи, а их совместное использование не приводит к созданию нового устройства с новой функцией. В связи с этим решения, относящиеся к таким продуктам, не могут получать правовую охрану в качестве полезной модели».

Первый вопрос, который хочется задать: а в качестве изобретений могут? Ответ очевиден. Но тогда, в качестве чего – устройства, ведь эти системы состоят не из молекул и вообще каких-либо веществ, а из устройств – конструктивных элементов системы? Убежден, что все подобные системы, заявляемые как изобретения, и описываются заявителем в заявках, и рассматриваются экспертизой ведомства как конструктивные решения. Используются все рекомендованные для устройств виды признаков, система описывается состоящей из частей в статике и в рабочем состоянии, а при оценке патентоспособности сопоставляются аналогичные части известных решений.

Практически любое устройство состоит из элементов, которые сами по себе являются устройствами, имеющими самостоятельное назначение. Автомобиль как устройство имеет двигатель, который, в свою очередь, имеет блок цилиндров, который имеет цилиндр с поршнем, который имеет уплотнительное кольцо. Каждый из названных элементов также является устройством, имеет вполне конкретное функциональное назначение и является предметом изобретательства. Комбинация устройств есть также устрой-

² Утверждены приказом Роспатента от 31 декабря 2009 г. № 196.

ство, и неважно, соединены они вместе или часть находится на земле, а другая в космосе. Разумеется, это справедливо, если такая комбинация образует целостную техническую систему, имеющую определенное назначение – иначе это не устройство.

Вывод: такое определение устройства как объекта полезной модели противоречит и сложившемуся представлению об устройстве как объекте патентования, и упомянутому представлению о том, что в техническом плане нет (и не должно быть) различия между полезной моделью и изобретением-устройством.

Вероятно, в силу очевидности указанного противоречия предпринята попытка его разрешения, которую можно обнаружить в проектах нормативно-правовых актов, относящихся к патентованию теперь уже изобретения³. В частности, в п. 2 Требований к документам заявки на выдачу патента на изобретение указано:

«В качестве изобретения охраняется техническое решение в любой области, относящееся к продукту или способу, в том числе к применению продукта или способа по определенному назначению.

Для целей настоящих Требований:

к продуктам отнесены, в частности, устройства, агрегаты, комплексы, комплекты, вещества, штаммы микроорганизмов, культуры клеток растений или животных, генетические и белковые конструкции;

к устройствам отнесены изделия,

³ Об утверждении документов, необходимых для целей предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственных услуг по приему заявок на выдачу патента Российской Федерации на изобретение по существу по ходатайствам третьих лиц, и по проведению информационного поиска по заявкам на изобретение, представлению сведений о его результатах: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=36138>.

являющиеся конструктивным элементом или совокупностью конструктивных элементов, находящихся в функционально-конструктивном единстве. Совокупность конструктивных элементов признается обладающей функционально-конструктивным единством, если конструктивные элементы устройства соединены между собой сборочными операциями, например, свинчиванием, сочленением, клепкой, сваркой, пайкой, опрессовкой, развальцовкой, склеиванием, сшивкой (конструктивное единство), и в соединении обеспечивают реализацию устройством общего функционального назначения (функциональное единство);

агрегатом признается соединение нескольких устройств в одно целое для работы в комплексе;

к комплексу отнесены два и более специфицированных изделия, не соединенных на предприятии-изготовителе сборочными операциями, но предназначенных для выполнения взаимосвязанных эксплуатационных функций, например, производственные линии, электрические и компьютерные сети, стационарные архитектурные сооружения, объекты дорожного строительства, корабли;

к комплекту отнесены два и более изделия, не соединенных сборочными операциями и представляющих набор изделий, имеющих общее эксплуатационное назначение вспомогательного характера».

Ключевой момент: подзаконный акт дробит то, что раньше относили к устройству, на устройство, агрегат, комплекс и комплект. Это, как, по всей видимости, считают авторы изменений, позволяет делать определение объектов изобретения, данное п. 1 ст. 1350 ГК РФ в виде открытого перечня, через слово «*в частности*». Если такое толкование признается законным, дальше стано-

вится логичным соответствующее закрепление понятия «устройство» для полезных моделей. Терминологическое единство достигнуто! Но сохранился ли классический смысл? Все это сильно напоминает известный случай с конституционной нормой о двух президентских сроках – «не более двух сроков подряд»: вроде бы всем понятна идея, но слово «подряд» позволяет установить режим чередования с неограниченным числом президентских сроков.

Ну и нельзя пройти мимо еще одной новации – теперь уже в части составления патентной формулы: для полезной модели исключается возможность использования альтернативы при характеристике существенных признаков, а также возможность структурного построения формулы без выделения новизны. Соответственно, п. 40 упомянутых Требований устанавливает, что «*в независимый пункт однозвенной формулы не следует включать альтернативные существенные признаки (признаки, выраженные в виде диапазона непрерывно изменяющихся значений параметра, не рассматриваются в качестве альтернативных признаков)*», а п. 41 определяет, что независимый пункт формулы «*составляется без разделения на ограничительную и отличительную части, если он характеризует полезную модель, не имеющую аналогов*», причем, как следует из содержания этого пункта Требований, – только в таком случае, без каких-либо исключений.

Что касается структурных ограничений, скорее всего, это техническая ошибка, иначе невозможно объяснить отказ от давно сложившейся практики, когда заявитель сам выбирает структуру патентной формулы – с разделением на ограничительную и отличительную части или без такого разделения. Кстати, делает он это, добиваясь, в том

числе, ясности изложения патентной формулы, что, вообще говоря, требуют правила. В общем, правая рука не знает...

Но относительно запрета на альтернативные признаки – вопрос гораздо серьезнее, поскольку это прямое изменение общепринятых правил составления патентной формулы. Альтернативные признаки придуманы для случаев, когда необходимо охарактеризовать несколько различных форм реализации признака, однако общее понятие отсутствует или, например, его использование для характеристики признака в данной технической системе невозможно. Альтернативные признаки – это не случай нарушения единства изобретения или полезной модели (в смысле одного технического решения), а всего лишь прием описания совокупности существенных признаков одного решения. (Разумеется, все это справедливо, когда альтернативные признаки в совокупности с другими обеспечивают получение одного и того же технического результата). При этом в упомянутых Требованиях постоянно подчеркивается, что в случае патентования полезной модели мы имеем дело с одним техническим решением, и при этом устанавливается запрет на использование альтернативных признаков.

Здесь ущербен не только сам подход, но и его нормативное изложение. Простой пример. Известно, что одной из характеристик устройства может быть материал, из которого изготовлен тот или иной конструктивный элемент, – так бывает, когда материал обеспечивает ему определенные свойства (конструктивные, поверхностные и пр.). Но если возможно применение различных материалов, способных обеспечить требуемые свойства, то это разнообразие должно быть учтено при формулировании существенных признаков. Но как?

Поскольку это явно не «диапазон непрерывно изменяющихся значений параметра» – в виде перечисления, а если для этих материалов нет единого термина – в виде альтернативы. Но это теперь запрещено.

С этой точки зрения сомнительно и исключение из понятия единства полезной модели вариантов. Эта группа вообще не рассматривается. Но когда появляются варианты? Когда решение (но не решения!) не удастся выразить одной совокупностью признаков в одном независимом пункте, в том числе с использованием альтернативы. Хотя для изобретений, вообще говоря, можно не мучиться с формулировкой признаков, а сразу написать варианты. Немного дороже – да, но проще. Разумеется, при этом должны быть соблюдены требования к вариантам как к группе изобретений. Так вот, развивая мысль о неправомерности исключения альтернативы как способа обобщения признака, исключение вариантов, как приема, направленного на разрешение тех же проблем, представляется необоснованным. Патентное дело основано на словах, когда «технические представления» выражаются словами, определяющими «право». Это чрезвычайно тонкое и ответственное дело, и негоже лишать заявителя возможностей адекватного выражения словами сущности технического решения. Это все не нами придумано и давно прекрасно работает. Более того, исключение этих двух инструментов неизбежно ведет к тому, что повышается значение доктрины эквивалентов для установления факта использования полезной модели. А это как раз и отменили. Очень логично.

Понятно, что подобные предложения – относительно альтернативы и особенно вариантов – могут быть восприняты ведомством в штыки, причем заботливо аргументированы: мол, это

затянет процесс экспертизы, и вам же, кто хочет получить патент побыстрее (заявителям и патентным поверенным), будет только хуже. Ну, во-первых, подобные случаи, будем честны, не так уж сильно затягивают процесс, а, во-вторых, хуже не будет. Понятно, что бюджет получит меньше пошлин за рассмотрение одной заявки и выдачу одного патента вместо двух, ну так просто добавьте за проведение экспертизы по существу таких заявок, но не разрушайте работающие правила.

В общем, то ли «распалась связь времен», то ли возникли новые «государственные задачи». В любом случае все эти новации породили вполне справедливые вопросы патентоведческого сообщества о том, что теперь патентуем в качестве устройства, и подробные и достаточно эмоциональные публикации специалистов на эту тему⁴.

Зачем

Единственный, кто от Роспатента предлагает общественности внятное толкование происходящих перемен, – О.Л.Алексеева, заместитель директора ФИПС. Например, это было сделано на XVII конференции «Санкт-Петербургские коллегияльные чтения» в 2015 г., материалы которой можно найти на интернет-сайте Санкт-Петербургской коллегии патентных поверенных. В частности, Ольга Ленаровна пишет: «Концепция принятого в 1992 г. законодательства о полезных моделях была ориентирована на средние и малые предприятия и на охрану в качестве полезных моделей технических реше-

⁴ Ревинский О.В. Какие бывают устройства?// Патентный поверенный. 2014. № 2. С. 34; Джермакян В.Ю. Конструктивно-функциональное единство признаков устройства как объекта полезной модели и изобретения//Патентный поверенный. 2015. № 5. С. 5; Мещеряков В.А. Устройство как объект полезной модели//Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2015. Сентябрь. С. 67.

ний, относящихся преимущественно к средствам потребления». В то же время, автор указывает: «Анализ практики показал, что к устройствам заявители относили не только пирожки и пельмени, но и оборонные комплексы, системы спутниковой связи, навигационные комплексы, технологические линии, стационарные здания и сооружения, объекты дорожного строительства, мосты и т. п., что также противоречило концепции законодательства о полезных моделях». И далее: «Отсюда возникает вопрос, часто задаваемый последнее время: почему понятие устройства в практике экспертизы изобретений толкуется шире, чем понятие устройства, применяемое в практике экспертизы полезных моделей? На самом деле толкование одинаковое: надо только принимать во внимание, что перечень продуктов, содержащихся в п. 1 ст. 1350, носит открытый характер». Наконец, что касается обеспечения единообразия в трактовке понятия устройства: «...были подготовлены предложения по раскрытию понятий «продукт», «устройство» и других для включения их в подзаконные акты, относящиеся к изобретениям и полезным моделям... Так, к продукту отнесены, в частности, устройства, комплексы, например, автоматические линии, электрические сети, комплекты (наборы), архитектурные и другие стационарные сооружения...». Что, собственно, мы и видим в упомянутом проекте документов, относящихся к патентованию изобретений: устройства, агрегаты, комплексы, комплекты.

Все это – разъяснения истоков и «концепций», а также объяснение, как реализуется борьба за «баланс интересов». Тем не менее, в выводах Ольга Ленаровна прямо указывает: «...ясно, что круг технических решений, которые

раньше получали охрану в качестве полезной модели как устройства, сузится, что вряд ли соответствует интересам хозяйствующих субъектов. Более рациональным решением установления баланса прав было бы введение дополнительного условия патентоспособности полезной модели «изобретательский шаг» и введение предсудебной проверки»⁵. Последнее можно понимать как определенные сомнения в эффективности предпринимаемых преобразований, и что решать указанные вопросы скорее следует путем изменения процедур.

Итак, зачем? Концептуально: чтобы малый бизнес легко и просто не патентовал оборонные комплексы и прочие системы спутниковой связи – не его ума это дело. Как отнестись к такому решению? Вопрос из разряда про авторское свидетельство – это хорошо или плохо? Да никак, ни хорошо и ни плохо: если строим социализм – так надо, если капитализм – надо патент. Такое решение в отношении полезных моделей само по себе тоже ни хорошо и ни плохо. Только надо определиться, что мы строим, и решать вопрос, не вызывая бурю эмоций.

Если очень хочется...

Так вот, если очень хочется ввести дополнительное регулирование процесса патентования полезных моделей (цель не обсуждается), по мнению автора, следует исходить из следующих установок.

1. Полезная модель есть юридическая альтернатива изобретению. Не должно быть никаких различий в определении объекта полезной модели и

⁵ Алексеева О.Л. Патентование полезных моделей: современное состояние/В сб. докл. научно-практич. конференции «Петербургские коллегиальные чтения-2015» (Санкт-Петербург, 24–26 июня 2015 г.). СПб: ООО Пиф. com. 2015. С. 54–61. См. также: http://spbkkp.org/wp-content/uploads/2015/06/KCH-2015_Sbornik_dokladov.pdf.

соответствующего объекта изобретения. Если есть желание ограничить возможности заявителей при патентовании полезной модели, делать это надо на уровне правовых и процедурных различий.

Следствие: для полезных моделей должна быть сохранена возможность использования альтернативных признаков, а понятие единства полезной модели, по меньшей мере, должно включать варианты.

2. Устройство всего лишь термин, как, например, изобретение или полезная модель. Можно допустить любое нормативное определение устройства, но оно должно быть.

Что касается замены традиционного представления устройств на устройство, комплекс, агрегат и комплект, то инженерные мозги автора подсказывают, что функционально-конструктивному единству все они удовлетворяют, лишь бы имелись конструктивные признаки, образующие единую техническую систему, в которой конструктивные элементы конструктивно или функционально связаны. Но это вовсе не значит, что не допускается иное. Например, когда спрашиваешь студентов, что они понимают под компьютерной программой, получаешь массу вариантов. Но когда мы начинаем говорить о программе как об объекте права, все меняется, и для многих правовое представление выглядит парадоксальным.

3. Если решили сузить трактовку устройства – нет проблем, давайте это сделаем. Но если это делается с использованием ранее существовавшего термина, то начинать надо не с подзаконных актов, относящихся к полезным моделям, а делать все в иной последовательности: вначале внести в ГК РФ понятия «агрегат», «комплекс», «комплект» и, разумеется, «устройство» при определении объекта изобретения,

затем раскрыть их в нормативных актах для изобретений и только потом переносить соответствующие изменения в нормативные акты по полезным моделям, которые, строго говоря, должны копировать соответствующие требования и правила, установленные в части устройств для изобретений. Не говоря уже о том, что практика применения этих норм может быть начата только после их введения.

Что касается вновь сформулированных определений устройства, комплекса и пр., то, надо полагать, обсуждение этого в патентоведческой среде будет не менее увлекательным и страстным. Но это будет уже обсуждение адекватности той или иной характеристики, а не обсуждение насильственного разрушения патентной практики.

Вместо постскрипума. Автор вовсе не является апологетом института полезных моделей в России – как раз наоборот. Однако, как говорится: «Платон мне друг, но...».

Список литературы

1. Алексеева О.Л. Патентование полезных моделей: современное состояние/В сб. докл. научно-практич. конференции «Петербургские коллегиальные чтения–2015» (Санкт-Петербург, 24–26 июня 2015 г.). СПб: ООО ПиФ. сот.

2. Джермакян В.Ю. Конструктивно-функциональное единство признаков устройства как объекта полезной модели и изобретения//Патентный поверенный. 2015. № 5.

3. Мещеряков В.А. Устройство как объект полезной модели//Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2015. Сентябрь.

4. Ревинский О.В. Какие бывают устройства?//Патентный поверенный. 2014. № 2.

